

Это название главы. В китайском языке идиома «針尖對麥芒» (Zhēnjiān duì màimáng) буквально означает «кончик иглы против ости пшеничного колоса».

Столица Великой Юй, город Жунин.

Когда вот-вот должен был наступить рассвет, весенний дождь, ливший всю ночь, только что прекратился, оставив брусчатку из синего камня скользкой, хотя и не мокрой. Всадник на быстром коне скрывался в густой темноте ночи, галопом несясь по главной улице Чжуцзюэ к главным воротам Запретного города. Белое дыхание, выходящее из ноздрей лошади, непрерывно сливалось с туманом, в то время как главные ворота Запретного города, вечные ворота Юньань, подобные свирепому зверю, присевшему в чёрной ночи, проглотили быстрого коня вместе с гонцом в одно мгновение.

Гонец на лошади поспешил обратно с севера. Его доспехи, казалось, всё ещё несли холодный иней и ауру крови оттуда.

Согласно законам Великого Юй, скачка во весь опор внутри Запретного города была преступлением, караемым смертной казнью через обезглавливание. Однако у гонца при себе были официальные бумаги, позволявшие ему беспрепятственно проезжать где угодно, и никто не смел его останавливать.

Домчавшись до дворца Тайцзи, гонец спрыгнул с лошади, его ноги подкосились, тело качнулось, и он едва не рухнул, но в последний момент удержался. Упершись одной рукой в землю, он вскочил и бегом бросился к евноху, который уже ожидал его у подножия ступеней. Взяв бамбуковый тубус со срочным донесением, евнох обеими руками бережно понес его во дворец, чтобы представить императору.

Двери зала распахнулись, и наружу хлынул теплый свет свечей. Он осветил каменные ступени, но так и не смог пробиться сквозь туман, рожденный холодным дождем весенней ночи.

Император Ли Цзюй сидел за своим столом в окружении евнохов, державших лампы и подававших чай. В свете свечей черты лица Ли Цзюя были неразличимы, и лишь пара глаз, унаследованных от покойного императора и поразительно похожих на глаза Ли Яньи, ярко сияли в тени. Однако, в отличие от Ли Яньи, в глазах Ли Цзюя было меньше решительного блеска и больше какой-то угрюмой подавленности.

Увидев вошедшего гонца, Ли Цзюй, не дожидаясь поклона, бросил:

- Оставь церемонии. Быстро неси письмо Мне.

- Слушаюсь! - отозвался евнох и положил на стол бамбуковый тубус, который всё еще был холодным на ощупь.

Ли Цзюй вытащил из тубуса шелковую ткань. На ней было всего две строки:

- В первый месяц сажают, в пятый жнут. После жатвы стебли и корни возрождаются, и в девятый месяц плоды созревают вновь.

Эти две фразы были взяты из трактата «Гуанчжи». На первый взгляд казалось, что речь идет о возделывании риса, но на самом деле это был секретный шифр между ним и Се Фучэнем. Смысл послания заключался в том, что Се Фучэнь благополучно прибыл в Мэнлянь, стратегически важный город на северной границе. Дело по набору и обучению войск уже дало первые результаты, и отправитель верил, что вскоре задача, порученная Ли Цзюем - собрать

десять тысяч кавалерии - будет выполнена.

В сумрачном взгляде Ли Цзюя мгновенно вспыхнула искра. Он поднес шелк к огню и поджег его. Стоявший рядом евнух поспешно подставил медный таз. Ли Цзюй наблюдал за тем, как ткань превращается в горстку пепла, не оставляя после себя ни единого иероглифа, и лишь тогда со спокойной душой махнул рукой, веля унести таз.

Тайная поездка Се Фучэня на север была совершена именно по его личному поручению. Будучи императором, Ли Цзюй не мог отправиться в место, пригодное для тайного сбора войск, не спугнув врагов. Шпионы вдовствующей императрицы из клана Гэн и принцессы Ли Яньи наводнили Жуниин и всю Великую Юй, любое его действие тут же стало бы известно им через доносы лазутчиков.

Это поистине абсурдно - не раз думал Ли Цзюй. Все говорят, что под небом вся земля принадлежит правителю, но я, возвышенный император, не могу покинуть это маленькое место! Запретный город, оправдывая своё название, является дворцом заточения, который прочно удерживает меня внутри.

Хотя за каждым его шагом следили, он был не один: у него всё ещё оставались преданные соратники, его «руки и ноги». Се Фучэнь, занимавший пост Юйши чжунчэна (заместителя главного цензора) и отвечавший за надзор и импичмент чиновников, был той самой рукой, которую император протянул за пределы Запретного сада. Рука эта была чрезвычайно сильной и искусной, способной воплотить в жизнь все его чаяния и амбиции.

Всему миру было известно, что нынешний император Ли Цзюй не был родным сыном вдовствующей императрицы. Его матерью была служанка, когда-то расчесывавшая императрице волосы, до самой смерти она носила лишь скромный титул «ляньжэнь» (добродетельная жена).

Но если мир знал, что у покойного императора было мало наследников, то истинную причину этого не знал никто.

Тогда, хотя императрица Гэн родила принцессу Ли Яньи, из-за осложнений при родах долго не могла снова забеременеть и произвести на свет наследника. Среди же других наложниц почти все, кому доводилось забеременеть, редко доводило дело до успешных родов: случались либо выкидыши, либо мучительная смерть при рождении. Если же принцы и рождались на свет, то либо умирали во младенчестве, либо страдали от неизлечимых недугов и годами не вставали с постели. До совершеннолетия не дожил ни один здоровый наследник. Истинную причину этого, пожалуй, знала только сама Гэн.

Оставаясь бездетной, императрица Гэн ради укрепления своего положения при дворе представила императору свою миловидную служанку Чжан, которая раньше расчесывала ей волосы. Чжан была нежна, красива и за годы службы знала все привычки государя. Получив императорскую милость несколько раз, она забеременела, а после рождения сына был пожалован титул «ляньжэнь». Этим сыном и был Ли Цзюй.

Через год после рождения Ли Цзюя Гэн, которой было почти тридцать, внезапно забеременела, но плод был нестабильным, с риском выкидыша. Родная мать Ли Цзюя, наложница Чжан, чтобы защитить жизнь Ли Цзюя, усердно прислуживала Гэн, как когда была служанкой, лично готовя все лекарственные блюда и напитки, часто сопровождая её по ночам. Как бы раздражительна ни была Гэн во время беременности, Чжан терпела, не проронив ни слова жалобы.

В августе следующего года, в ночь праздника Середины осени, Гэн родила здорового мальчика. Наложница Чжан не спала всю ту ночь, вглядываясь в рассвет; она словно чувствовала приближение беды и исхудала до неузнаваемости. Она так долго преданно служила Гэн именно из страха: боялась, что та родит законного наследника и убьет Ли Цзюя ради освобождения пути к престолу.

К счастью, тщательное прислуживание завоевало доверие Гэн, спася жизнь Ли Цзюя.

Рождение законного сына принесло великую радость императору. В день, когда маленькому принцу исполнилось сто дней, был издан указ о назначении его наследником престола. Была объявлена всеобщая амнистия, и вся страна погрузилась в празднование.

Император и императрица лелеяли этого с трудом обретенного законного сына. Одежда и еда наследного принца были лично подготовлены Гэн, а кормилица была отобрана путём строгой проверки без единой ошибки. Более того, когда наследный принц начал учиться, император пригласил великого конфуцианского учёного того времени, чтобы тот стал его наставником. Наследный принц, молодой и умный, с исключительным пониманием, был выращен со всей заботой императора и императрицы, они лелеяли его как подарок небес.

Но никто не ожидал, что в возрасте десяти лет наследный принц заболел чумой и, не в силах поправиться, умрёт в течение месяца.

Вдовствующая императрица была убита горем, и император также серьёзно заболел, не в силах посещать двор в течение нескольких месяцев. Гэн, через месяц после смерти наследного принца, привела Ли Цзюя от наложницы Чжан, чтобы он воспитывался в её собственном дворце.

Вслед за смертью принца в городе Жунин вспыхнула эпидемия, длившаяся полгода. После этого бедствия повсюду слышался плач, а девять из десяти домов опустели.

Император приказал досконально расследовать обстоятельства заражения принца. Выяснилось, что одна из дворцовых служанок тайно переписывалась любовными стихами с молодым человеком за пределами дворца, а тот юноша оказался одним из первых заболевших чумой.

В ярости император приказал казнить всех служанок и евнухов Восточного дворца, а семьи той служанки и её любовника были истреблены до третьего колена.

Вскоре после этого расследования наложница Чжан также скончалась от болезни, оставив Ли Цзюя единственным сыном покойного императора. В том году Гэн было почти тридцать семь лет, и, несмотря на приём многочисленных эликсиров, она не могла забеременеть. Тем временем здоровье императора постепенно ухудшалось от горя потери сына, что делало вопрос о назначении наследника срочным.

От безысходности на следующий год Ли Цзюй был провозглашен наследным принцем.

Если бы не безвременная кончина бывшего наследного принца, никогда бы не пришла его очередь, принца, который никогда не получал благосклонности императора, взойти на трон. Этот факт знала наложница Чжан, и Ли Цзюй знал ещё лучше.

Ли Цзюю было всего четырнадцать лет, когда он взошел на престол. Вдовствующая императрица Гэн стала регентом, и ни одно государственное дело не могло быть исполнено без её одобрения.

Он никогда не забудет те взгляды, что впивались ему в спину из-за жемчужной завесы, за которой сидела Гэн во время утренних приемов. В начале своего правления он сталкивался с трудностями на каждом шагу и был ограничен во всём. Каждое его слово должно было получить одобрение вдовствующей императрицы, при дворе у него не было никакой опоры, все воспринимали его как чисто декоративную фигуру. Если он делал хоть что-то не так, после аудиенции его вызывали в покои императрицы, где Ли Яньи сурово отчитывала его, поучая, как он «должен был» поступить. В это время вдовствующая императрица лишь непрерывно вздыхала и причитала о том, как хорош был бы сейчас её покойный сын.

Ли Цзюй прекрасно понимал, что он всего лишь марионетка. Гэн и Ли Яньи нужен был послушный император-кукла, в то время как вся политическая и военная власть была сосредоточена в руках этих матери и дочери. Чтобы вырваться из их когтей, первым шагом должно было стать возвращение того, что принадлежало ему по праву.

Однако Гэн была старой и хитрой лисой, а Ли Яньи жестокой и решительной женщиной. Вырвать из их рук хотя бы крупицу власти было невероятно трудно. К моменту своего совершеннолетия Ли Цзюй уже наполовину поседел.

К его счастью, у него была добрая императрица, нежная и мудрая, она понимала его горести и безропотно оставалась рядом, утешая и поддерживая его. Также в тайне его поддерживали тесть, великий генерал кавалерии Фэн Кунь, заместитель главного цензора Се Фучэнь и другие старые сановники. Только благодаря им он смог воспользоваться моментом, когда вдовствующая императрица тяжело заболела, и вернуть себе часть полномочий.

Ли Цзюй сейчас глубоко сожалеет, что не послушал совета Се Фучэня: нужно было воспользоваться болезнью и покончить с вдовствующей императрицей раз и навсегда, в противном случае он не разозлил бы её борьбой за власть, заставив её захотеть свергнуть императора и сделать старшую принцессу императрицей.

При мысли о Ли Яньи гнев в сердце Ли Цзюя вспыхивал с новой силой.

Эта Старшая принцесса сейчас становится всё более безрассудной; секретный доклад, полученный вчера, гласил, что она открыто собирает зерно и серебро у знатных семей в уезде Нанья, откровенно совершая государственную измену от имени императора! Многие семьи в Нанья на самом деле льстили и угождали ей, а семья Ван даже преподнесла все пятьдесят тысяч телег зерна, предназначенных для двора, Ли Яньи.

- Группа подхалимов без капли стыда! - дочитав донесение, Ли Цзюй в ярости отшвырнул бамбуковые дощечки. Удар пришелся прямо в лоб молодому евнуху, оставив багровый след.

Ли Цзюй затащил бедолагу в комнату и принялся остервенело избивать его руками и ногами. Выплеснув гнев, он поправил одежды и головной убор, постепенно приходя в себя.

К счастью, у заместителя цензора Се были запасные планы, так что даже если эти пятьдесят тысяч телег зерна были захвачены, это не было поводом для страха.

Ли Цзюй знал, что как только придет время, вдовствующая императрица и Ли Яньи не оставят его в живых. Он опасался, что закончит так же, как его мать Чжан: «умрет от болезни» в своей постели, оставив после себя поддельное завещание о передаче трона Старшей принцессе.

Ему нужно было подготовиться заранее, поэтому он тайно приказал Се Фучэню разместить войска в Мэнляне. Мэнлян находится очень близко к северной линии фронта, служа для использования хаоса войны как прикрытия, чтобы набор войск остался незамеченным. Как

только Ли Яньи восстанет, даже если это означает погибнуть вместе, он ни за что не допустит, чтобы империя попала в руки таких злых женщин, как вдовствующая императрица и старшая принцесса.

Теперь дело о размещении войск Се Фучэня идёт очень гладко. Пока брак станет свершившимся фактом, Великая Юй и Чунцзинь станут союзными государствами, и война может быть разрешена. Даже если Ли Яньи получит эти пятьдесят тысяч телег зерна, они будут бесполезны. Когда с севера обрушится стотысячная армия, это станет полной неожиданностью для императрицы и принцессы. День их открытого столкновения станет днем гибели этих двух ведьм!

Ли Цзюй взял кисть и вывел строки из оды «Дуаньгэ син»:

«Горе не тяготится высотой, море не тяготится глубиной.

Как Чжоу-гун, я отрину трапезу ради мудрецов, и сердца всей Поднебесной обратятся ко мне».

Закончив писать, он спрятал шелк в бамбуковый тубус и бросил его евнуху:

- Поспеши. И не смей задерживаться ни на миг!

- Слушаюсь!

Евнух передал послание гонцу, ожидавшему у врат. Силуэт всадника снова растворился в ночной тьме, и лишь стук копыт еще долго эхом отдавался в стенах дворца.

....

Рана Чжэнь Вэньцзюнь заживала уже несколько дней и начала невыносимо чесаться. Хотя боль еще давала о себе знать, это не мешало ей бодро скакать вокруг кровати. Увидев, что девушка действительно идет на поправку, Вэй Тинсюй велела Линби собирать вещи и выдвигаться на северо-запад.

Чжэнь Вэньцзюнь открыто и без стеснения заглянула в дорожные документы Вэй Тинсюй: они и впрямь возвращались в Суйчуань.

Те пятьдесят тысяч телег зерна, что принадлежали основной ветви семьи Ван, Ли Яньи уже увезла с собой. Однако те пятьдесят тысяч телег, что «свалились с неба» от Ван Цзиня, всё еще оставались в руках Чжэнь Вэньцзюнь. Вэй Тинсюй, похоже, так и не сообщила Ли Яньи о местонахождении этого зерна. Она велела Чжэнь Вэньцзюнь перегрузить его в максимально большие телеги - чем меньше транспортных единиц, тем легче продвигаться. Спустя полдня переформирования Чжэнь Вэньцзюнь удалось уместить весь груз чуть более чем в тысячу девятьсот телег. Вэй Тинсюй приказала разделить этот караван на три группы и отправить их в Суйчуань разными дорогами.

- Путь предстоит неблизкий, не стоит класть все яйца в одну корзину, - рассудила Вэй Тинсюй.

- Сестра опасается, что люди из клана Се снова попытаются устроить беспорядки в пути?

- Не только клан Се. Нам придется преодолевать горы и переправляться через реки, к тому же голод превратил честных бедняков в разбойников. Увидев обоз с зерном, они ни за что не упустят случая напасть.

Вэй Тинсюй была права: повсюду на их пути лежали тела умерших от голода, от восьмидесятилетних стариков до младенцев в пеленках. Повсюду были толпы просящих милостыню. Нанья считался богатым краем Великой Юй, но чем дальше на северо-запад они продвигались, тем холоднее и бесплоднее становилась земля, и тем больше становилось беженцев.

Вэй Тинсюй распорядилась, чтобы Чжэнь Вэньцзюнь и Линби оставили десять телег с зерном при себе для раздачи еды по дороге.

- Пусть мы не можем спасти весь народ Великой Юй, но внести хоть малую лепту в это - наш долг.

Чжэнь Вэньцзюнь ехала верхом на своем коне по кличке Юньчжун Фэйсюэ. Она видела, что Вэй Тинсюй сидит снаружи повозки, та непременно желала своими глазами видеть все ужасы и лишения голодных лет.

Большую часть времени Чжэнь Вэньцзюнь не могла разгадать истинные мысли Вэй Тинсюй, ей казалось, что чувства, проскальзывающие в её взгляде, всегда отдают притворством. Но сейчас Вэй Тинсюй была на редкость искренней. Она действительно глубоко сопереживала этой стране и её народу, всем сердцем ощущая боль, которую принесли им бедствия. Эта горечь, отражавшаяся в её зрачках, была настоящей.

Чжэнь Вэньцзюнь придержала коня и тихо пристроилась рядом с Вэй Тинсюй, двигаясь с ней плечом к плечу.

Вэй Тинсюй велела кучеру направить повозку туда, где скопилось больше всего беженцев. Изголодавшиеся до предела люди, завидев повозки с зерном, бросились было на грабеж, но их сдержали закаленные телохранители Вэй Тинсюй. Лишь после того как трое самых обезумевших и непокорных были убиты, толпа наконец успокоилась.

- Кто хочет еды стройтесь в очередь здесь, - голос Вэй Тинсюй был негромким, но властным, и он возымел мгновенное действие.

Сотни беженцев, от голода едва похожих на людей, тут же выстроились в одну шеренгу. Чжэнь Вэньцзюнь велела им приготовить мешки и подходить по одному за рисом. Сяохуа и Линби открыли заслонки в нижней части бочек с зерном, и рис с шумом посыпался наружу. Завидев рис, которого они не ели целую вечность, беженцы разрыдались. Слезы прочертили две чистые дорожки на их замурзанных лицах. Они падали на колени, осыпая Вэй Тинсюй словами благодарности.

Одна женщина лет сорока, в полнейших лохмотьях, прижимая к груди внука, подошла к Вэй Тинсюй и отвесила ей земной поклон, благодаря за спасение их жизней.

Вэй Тинсюй, заметив, что младенец плачет, предложила женщине передать ей ребенка, чтобы попробовать его успокоить.

Но стоило младенцу оказаться у неё на руках, как он зашелся в плаче еще сильнее. И Вэй Тинсюй, и женщина почувствовали себя неловко.

- Линби, ты умеешь нянчиться с детьми? - спросила Вэй Тинсюй у стоящей рядом помощницы, пытаясь перекричать детский крик.

Линби опешила:

- Ну... на самом деле нет.

Вэй Тинсюй обвела всех взглядом, намеренно пропустила Сяохуа и обратилась к Чжэнь Вэньцзюнь:

- Сестрица, у тебя есть способ заставить его замолчать?

Чжэнь Вэньцзюнь, которой на самом деле было всего пятнадцать лет, не могла поверить, что Вэй Тинсюй задает такой наивный вопрос:

- Сестра, я никогда не рожала, откуда мне знать?

- Хочешь попробовать?

У Чжэнь Вэньцзюнь не было выбора. Она взяла ребенка и, подражая повадкам кормилиц из поместья семьи Се в Суйчуане, уложила его на сгиб локтя и принялась легонько покачивать. Кто бы мог подумать, малыш действительно перестал плакать и, размазывая слезы, улыбнулся ей.

- Он улыбается! - радостно воскликнула Чжэнь Вэньцзюнь, обращаясь к Вэй Тинсюй.

- Угу, - отозвалась та и вдруг добавила: - Похоже, из моей сестрицы Вэньцзюнь выйдет отличная мать.

От этих слов Чжэнь Вэньцзюнь едва не выронила ребенка на месте.

Она вернула младенца женщине. На лице Вэй Тинсюй всё еще играла улыбка, когда внезапный лай собак заставил её резко измениться в лице.

Сперва Чжэнь Вэньцзюнь и не заметила, что поблизости сбились в стаю три-пять бродячих собак с яростным блеском в глазах. Голодные, кожа да кости, они рыскали в поисках пропитания и, завидев суету возле повозки, невольно остановились. Собаки пристально наблюдали, явно замышляя что-то отчаянное и опасное.

Вэй Тинсюй с ужасом уставилась на стаю, её страх был очевиден и велик.

Словно почувствовав её взгляд, псы сорвались с места и помчались к ним. Вэй Тинсюй внезапно вскрикнула:

- Вэньцзюнь!

Чжэнь Вэньцзюнь не понимала, что происходит; решив, что появились наемные убийцы, она хотела было вскочить на коня для разведки, но увидела, как Вэй Тинсюй, сидя в повозке, в порыве отчаяния широко раскрыла объятия навстречу ей. На сердце у Чжэнь Вэньцзюнь потеплело. Она быстро спешила и крепко прижала Вэй Тинсюй к себе.

Вэй Тинсюй, как и обычно, обхватила её за шею, но на этот раз всё было иначе. Она зарылась лицом в объятия Чжэнь Вэньцзюнь, а её руки с такой силой вцепились в шею девушки, что даже мелко дрожали. Чжэнь Вэньцзюнь едва могла вздохнуть от такой хватки и хриплым голосом принялась её успокаивать:

- Се... сестрица, не бойся, я здесь.

Но Чжэнь Вэньцзюнь до сих пор не понимала, чего именно та боится. Неужели этих

нескольких бродячих псов?

Телохранители быстро бросились вперед и перебили всех собак до единой, после чего вернулись и, пав на колени перед Вэй Тинсюй, хором воскликнули:

- Эти ничтожные рабы заслуживают смерти! Мы упустили нескольких из них! Молим Госпожу покарать нас!

И в самом деле, собаки. Чжэнь Вэньцзюнь и представить не могла, что Вэй Тинсюй так сильно их боится. Только сейчас она осознала, что за всё время пути видит собак впервые. Неужели те гвардейцы, что шли в авангарде, заранее расчищали дорогу от них? Она тут же остро припомнила шрамы от укусов на спине Вэй Тинсюй, неужели они как-то связаны с собаками? Раньше ей такое и в голову не приходило.

Услышав доклад стражи, Вэй Тинсюй медленно отстранилась от груди Чжэнь Вэньцзюнь. На её мертвенно-бледном лице всё еще читался нескрываемый ужас. Убедившись, что все псы мертвы, она наконец с облегчением выдохнула, плечи её опустились. Она закрыла глаза, чувствуя себя крайне скверно, но не спешила покидать объятия Чжэнь Вэньцзюнь.

- Похороните их, - глухо приказала она.

- Слушаемся! - ответили стражники.

Оказывается, Вэй Тинсюй вовсе не была такой уж неуязвимой, какой хотела казаться. Она была обычным человеком, у которого есть свои страхи.

Видя, как та, даже будучи напуганной до смерти, изо всех сил старается сохранить самообладание, Чжэнь Вэньцзюнь почувствовала к ней щемящую нежность. Усадив её на место кучера, она ласково погладила её по голове, убрала прилипшую к губам прядь волос и прошептала на ухо:

- Вэньцзюнь здесь, никто не обидит сестру. Позволь мне помочь тебе войти в экипаж.

Вэй Тинсюй прижалась лбом к груди Чжэнь Вэньцзюнь - с движением, напоминающим кивок. Чжэнь Вэньцзюнь бережно внесла её внутрь.

<http://bllate.org/book/17227/1617391>